

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.К. Харченко

О НЕИЗУЧЕННОМ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Проблема поиска неизученного в области лингвистической мысли, как впрочем, и в других областях, требует максимально корректного подхода к обширному комплексу уже “изученного”, в частности осознания того непреложного факта, что и старые темы нельзя надолго оставлять без внимания, выпускать из поля зрения. Остро нуждаются эти, будто бы примелькавшиеся темы в обновлении теоретических постулатов, пересмотре материала исследования с позиций новых парадигм лингвистической мысли. И, тем не менее, иногда мы вправе задать себе вопрос, существуют ли земли, на которые не ступала нога лингвиста-исследователя. Остановимся на пяти таких пространствах, проблемных зонах, в равной степени и притягательных, и труднодоступных для первопроходцев.

Первой выделяемой сейчас темой является лингвистика старческой речи. Если структуру любого научного поиска представить в виде триады: материал – метод – теория, то по отношению к геронтолингвистике сложности начинаются со сбора материала: что именно в собранном материале признать “возрастным” и что социальным, гендерным, профессиональным, индивидуальным. Современный писатель Сергей Есин заметил, что *постным* масло назовут те, которым за семьдесят, молодежь выберет другие слова: *растительное, подсолнечное*. Закономерно также, что существительное *давление* становится частотнее в речи человека, перешагнувшего возрастной экватор. Какую тонкую интуицию надо развить в себе, чтобы улавливать лексические свидетельства возраста и старения, тем более что сами эти свидетельства также меняются со сменой эпох! Конечно, можно отчасти вести поиск материала по художественным текстам [Харченко 1989]. В устной разговорной речи можно отталкиваться от реминисценций, цитат, крылатых слов – такой банк данных собрать, пожалуй, несколько проще, нежели составить “обычный” словник старения. Даже такая узкая тема, как “Междометия в речи лиц преклонного возраста” обещает “свой материал” при достаточно объемном подходе к информантам. Дедушка в маршрутном такси обращается к женщине средних лет: *Мне надо до Кирова! Вы там сходите? Сходите? Ой, умница!* (4 ноября 2004 г.). Звукотрагические слова мы традиционно соотносим с детской речью, но, оказывается, и в речи пожилых людей таких слов немало: *Получаю я*

квартиру, в Калининграде! Я, старший лейтенант. Заносят мне стол в дверь: бэм! А тут звонок: соседка! (12 октября 2005 г.); Я наблюдала, как голубь ухаживал за голубкой: бу-бу-бу! А люди как звери... садисты. Дети совсем без ласки растут (14 октября 2005 г.).

Выигрышной может стать для наблюдений и такая тема, как метафорика старческой речи, персонификация в устах носителей языка преклонного возраста (*Плохо? Плохо тому, земля на кому!*). Кстати, в самих формулировках конкретных тем корректнее писать не о стариках, а о лицах пожилого возраста. Почему? Много лет занимаясь изучением детской речи, которой в плане устойчивого интереса к ней повезло значительно больше, занимаясь вплотную составлением словарей детского языка, мы иногда спрашивали малолетних испытуемых: скажи, старость – это плохо или все же есть что-то хорошее и в старческом возрасте? К немалому нашему удивлению, дети – увьи! – были единодушны: *Плохо – всё!* – Да что же? – *Скоро умрешь* (один ответ), *Внуки шумят* (такая желанная для стольких людей перспектива “внуками” интерпретировалась как “минус”), *Все купаются, а ты в тенёчке лежишь* (да спасибо, что на пляж взяли!). Само слово “старость” постепенно лишилось положительных коннотаций, позитивных оценочных смыслов. В чем-то, по-видимому, виноваты и сами стареющие: мы не проговариваем великолепных приобретений каждого своего, осваиваемого, нового возраста, не делимся искусством стареть. Не о косметике здесь идет речь и не о здоровом образе жизни, а, скорее, о здоровом образе мышления, искусстве диалога с возрастом. Лингвистика старческой речи многое могла бы открыть и в плане управления внутренней коммуникацией языковой личности.

Далее, второй темой для возможного исследования, точнее вторым направлением, мы бы назвали *внутрисемейную речь*, порождающую собственную специфическую трудность своей закрытостью. Исследователь вынужден, начиная сбор материала, или становиться не только субъектом, но одновременно и объектом исследования, или же довольствоваться неспешным сбором случайно услышанного: *А папик что делает? (запись 2004 г.)* (женщина средних лет, библиотекарь, с работы звонит домой). Молодой мужчина под Туапсе по мобильному телефону, говорит, по-видимому, супруге: *Масик? Масик!*

Я, знаешь, откуда звоню? (ребенок лет трех отходит в сторону) *Захар, иди сюда! Я из Новомихайловки звоню! Вагончики просто супер! (сентябрь 2005 г.)*. Идеальный, пожалуй, вариант, помимо сбора свидетельств собственной семьи и случайно и не совсем случайно услышанного. Составить еще и анкету-опросник, но составить так, чтобы информанты охотно делились языковыми изюминками создаваемого, творимого ими семейного бытия.

Внутрисемейный язык, разумеется, так же, как и старческая речь не может не отражаться в текстах художественного произведения. В этом плане характерен следующий отрывок из романа Алексея Слаповского “Анкета”: *В положенный срок Ольга Владимировна почувствовала, что беременна. Они были счастливы. Они часами гуляли, называя будущего сына Алешей, Алешечкой, Лешечкой, Лешунчиком, Шунчиком, Чунчиком, Лексиком, Алексиком, Ляльсиком, Алексюшечкой, Аленьким Цветочком, Лешечкой-Лепешечкой, Лешечкой-Крошечкой, Лукошечкой, Хорошечкой, Люсюсюнчиком, ЛеОЛесей, Лешмандиком, Алле-Селе, Леш-Клеш, а также – Лесик-Куролесик, Лестик, Люстик, Листик, Чистик, Стиг-Прыг, Стишок, Лесиокус-Фокус, Шок-Фок, Люлек-Бегунок, Люлюшка, Лестик, Люстик, Листик, Чистик, Стриг-Прыг... Родилась девочка. Они не огорчились. Они приняли это как разумные люди. Но слишком долго они возились с именем и не в силах были отказаться от него, поэтому и назвали девочку необычным именем – Алексина. Есть же Александра, почему не быть Алексине?* [Слаповской 1999, 317-318]. Гипокористические имена целесообразно изучать прежде всего на материале внутрисемейной речи [Харченко 2005а; Харченко 2005б]. Доцент Белгородского государственного университета Татьяна Федоровна Новикова на занятиях с учащимися Майской гимназии (Белгородский район) предложила неожиданное задание: образуйте производные от собственного (своего!) имени. Победила Черменёва Наталья (10-Б), придумавшая 59 вариантов: *Наталья, Натали, Нейчел, Нати, Наташа, Наташечка, Натуля, Наточка, Наташунька, Натик, Наташулька, Натулька, Наташенька, Наташечка, Ната, Наточка, Наташуня, Натаха, Наташка, Наташкин, Наташуля, Натанька, Натальюшка, Наташуня, Натуня, Ноня, Натуся, Натусик, Нонька, Натуня, Наташок, Наталюня, Наталка, Наталек, Наталька, Наталочка, Наталья, Нота (бабка Нота в нашем селе – притиска), Нотка, Ноточка, Нотик, Таля (сестра Шукшина в его воспоминаниях), Талечка, Таленька, Талька, Талёк, Таша, Ташенька, Тусик, Ташка, Ташечка, Туся, Ташуля, Ташуня, Шуня, Шунька, Шунечка, Шунюля. Девочка в чем-то превзошла вышеприве-*

денный список писателя, поскольку не отрывалась от звукового облика самого имени (таково было изначальное требование со стороны учителя). Следующим заданием Т.Ф. Новиковой было обыграть в поздравлении семантику имени адресата (например, Евгений этимологически “благородный”, Александра – “мужественная”). В процессе выполнения такого задания ростки внимания также направлены к близким и дорогим людям.

Внутрисемейная речь фиксируется не только в устной, но и в письменной форме. Это записки членов семьи: *Лапик! Кушай! Всего тебе хорошего, хорошо поработать! Лап, я приезжал, но без ключа. Лапичек! Всего тебе самого хорошего! Не грусти об О.Н. Лапичек! Не скучай б'меня. Я. На материале таких записок можно пронаблюдать феномен графической экспрессии. Графика обращений в записках разнообразна (Лапъ, Л-къ, Л-к! Л-п!): 1. Л-к! Я перетревожился, приехал, увидел сумки и уезжаю. Не задерживайся сильно. Звони. 2. Л-къ? Возьмешь? Вообще-то можно и по Нечкиной, которая есть дома. Приезжай. 3. Л-къ! Все ли хорошо? Сын. 4. Лапъ. Я очень долго, до 17-30.*

Язык в закрытом пространстве семьи может стать интересным и плодоносным объектом также в плане исследования потенциального арсенала глагольных префиксов: *Мы прикупили... мне придарили... я присобрала материал... Занавесочки попостирали...* Формой фиксации внутрисемейного языка может послужить также частная переписка, хотя надо учитывать условности и традиции письма как жанра. Наконец, обозначим и такую неисследованную сферу внутрисемейной речи, как любительское стихотворчество, хотя оно лишь частично входит в стихию внутрисемейной речи, а большей части касается стихии личного творчества вообще. Стоит ли “серьезному лингвисту” заниматься дилетантскими стишками? Мы все больше убеждаемся, что стоит, потому что и в таких стихах таится своя поэтика: система метафор, игра антитез, особое интонирование языковой игры. Приведем (с любезного разрешения автора) стихотворение И.Г. Дегтярь, написанное ко дню рождения старшей сестры, Марии Григорьевны: *Муся – солнышко мое, / Я подсолнушек ее. / Муся – яркий мой цветочек, / Я при ней всего листочек. Муся – розочки цветы, / Я ж от розочки шипы. / Муся – белая ромашка, / На ромашке я – букашка, / Муся словно незабудка, Я ж забудь-через-минутку. / Муся – колокольчик синий, / Я ж на нем роса иль иней. / В общем, я совсем не цветик, / Но мы вместе с ней – букетик (14 апреля 1990 г.)*. Не может быть, чтобы в любительских стихах вообще “ничего не было”. Собирай по ягодке – наберешь кузовок. Некоторые ценные находки “по-

эзии не первого ряда” заслуживают фиксации, анализа и, может быть, даже вкрапления в словари, чтобы и такой материал не пропал для сокровищницы общенационального духа.

Внутрисемейная речь – это мощная стихия языкового позитива, реализации положительных смыслов, однако, согласимся, смыслов не только положительных. На одной научной конференции была заявлена выразительная проблематика: Семья как поле битвы. Конфликтогенные ситуации достаточно часто бывают predeterminedены и спровоцированы лексикой, которая будто вполне допустима и привычна, но содержит незаметные ядовитые кристаллы надвигающейся ссоры (*маменькин сынок, не лезь в бутылку, не с той ноги встал, это подлость, ты трус, не помогаешь, не зарабатываешь* и т.п.). Читатель догадался, что в перспективе и здесь скрывается возможный выход в такую сверхсложную задачу, как совершенствование управления внутрисемейной коммуникацией, в частности через задействованные языковые табу.

Третья тема, третье возможное направление лингвистического поиска – **язык семейных родословных** – сочинений свободного характера на тему “История моей семьи”. Хотя именно этому направлению мы с 2002 года начали уделять внимание, но собранный фонд родословных (порядка 800 сочинений от 4 до 20 листов формата А4) не более чем капля в океане совокупной “историкосемейной информации”, достойной сбора и изучения, в том числе с позиций языкового позитива, поскольку авторы пишут о семье наилучшим своим языком.

Перспективной представляется изучение и персоносферы, и концептосферы родословных. Сам жанр семейных родословных может стать надежным средством изучения функционирования имени в ситуации смены поколений. Списки имен родственников автора текста дают возможность отнаблюдать разнообразие (*Соломонида, Феона, Ефрем*) и динамику корпуса личных имен, образование гипокористических имен, проблему мотивированности в выборе имени. Так, в одном сочинении повествуется, почему в семье оказались две Марии. Священник спросил имя младенца, а растерявшаяся юная крестная мать назвала себя. Трепетное отношение к святому, к церкви не позволило родителям переиграть крестины. Особые абзацы в родословных посвящены фамилиям, не обойдены вниманием и прозвища, в том числе семейные, то есть родословные дают возможность проникать в игровую семейно-дружескую герменевтику имени. Еще один интересный аспект в плане изучения персоносферы семейных родословных – имена известных людей в составе семейных родословных (*прадедушка устроил Сталину побег из ссылки, праде-*

душка дважды видел Ленина, дед воевал, и к ним в полк с концертом приехал Лемешев, мои предки были родственниками Шамиля).

Внимание исследователей не могут не привлечь три аспекта возможного изучения концептосферы семейных родословных. Во-первых, жанр истории семьи дает возможность изучать типовые концепты [Павлова 2004] в их языковом выражении (“семья” [Рухленко 2005], “труд”, “праздники”, “детство”). Во-вторых, этот жанр дает возможность выявить оригинальные концепты, раскрываемые прежде всего в заявленном жанре. Вербализация концепта СЛУЧАЙ, как правило, благоприятного и концепта ЗНАКОМСТВО (как и где познакомились “он” и “она”) – неотъемлемый компонент сюжетостроения семейных историй, раскрываемый применительно к различным возрастным парам. Типичен для данного жанра концепт БЫТ: что ели, как одевались, как проходил день, какова была домашняя утварь. Родословные выполняют функцию “музейной лингвистики” с перечислениями, а то и небольшими описаниями таких “экспонатов”, как макитры, кубышки, рушники, подзоры и мн.др. Наконец, третье направление исследования концептосферы родословных – это изучение концептуальных лакун. Именно родословные открывают систему таких, почти утраченных ценностей, как сверхмногодетность (десять и более детей в семье), или сверхдолголетие (перешагивание через столетний юбилей), или личный героизм. В одном сочинении говорится о женщине без ног, жившей у сестры, помогавшей ей всячески, приползавшей полоть огород, и все это делалось без гнева на судьбу, весело и легко. Здесь мы касаемся очень серьезного нерва современной действительности. Героизм требует нарратива. О героизме надо рассказывать и соответственно надо знать, как, впрочем, и о сверхмногодетности, и о сверхдолголетии. В середине октября 2005 г. ехала я в Орел и попутчик рассказывал о военных действиях и своем подвиге в Саудовской Аравии в 1973 году, о подвиге в ЮАР в 1984 году, о почти ежедневном мужестве моториста подводной лодки, о Камчатке и 11-балльном шторме в Тихом океане (и тоже был совершен подвиг, хотя само это слово не произносилось), наконец, еще о том, как в Ялте на новокупленном “Запорожце” упала в пропасть вся семья: жена, дочери, внучки, зять. Работает Виктор Алексеевич сейчас прорабом в Москве. Дома попугай и овчарка. “Они и держат меня. Прихожу – а попугай орет: – Полундра! Хозяин в гневе!”. Причем тут лингвистика и концептуальные лакуны? Не лингвисту ли начинать возрождать ценность озвучивания (вербализации) личного героизма? Непроговаривание пережитого грозит большими потерями для личности и для социума.

Очертим теперь еще одно “белое пятно”. Четвертой возможной темой лингвистического анализа является **общение с животными**. Здесь имеют место свои обращения, своя фразеология, свой комплект междометий, оценочные пласты, приемы персонификации любимого существа. *Когда я просыпаюсь, она головой подлезает под мою руку и ждет, когда я скажу: “Маркиза, ты красавица, ты умница, такой собаки больше нет в городе!”* (28 ноября 2005 г.). Женщина лет пятидесяти в поезде черному пекинесу: *Кушай, Тимош! А то сейчас пойдешь гулять с папой. Кушай, зайка! <...> Молодец, хорошо покушал!* (12 октября 2005 г.)

Пятая из не исследованных до сих пор тем – **язык закрытых городов**, наукоградов. Таких городов в нашей стране 73: Апатиты, Балашиха-1, Белоозерский, Бийск, Борок, Гатчина, Дзержинск, Дзержинский, Димитровград, Дмитров-7, Долгопрудный, Дубна, Железногорск (Красноярск-26) и мн.др. [Кузнѣцов; Харичев; Рац 2005, 22-37]. Эту тему мы только очерчиваем, выдвигая всего лишь гипотезу, что в закрытых городах возникал свой язык и возможны поиски языковых универсалий таких научных центров. В частной беседе мы как-то спросили доцента М.А. Ряполову о причинах оригинальности и образности ее собственной речи. Марина Александровна сказала, что в Красноярске-26, где прошли ее школьные годы, “все так говорили”! Разговор будто бы забылся, но при формулировке неисследованных областей лингвистики подумалось вдруг: хорошо бы поработать, покопать в этом направлении поиска!

Шестая (наверное, самая ожидаемая читателем) из вышеуказанных тем – это **язык новой плеяды писателей**, творчество которых пока еще не стало предметом монографического исследования. Из современных авторов мы бы отдали пальму первенства Борису Екимову, художественное слово которого делает честь современной отечественной художественной (по-настоящему художественной!) прозе. Выпишем несколько отрывков из рассказа Б.П. Екимова “Не надо плакать...” [Екимов 2004]: *а) ...Тамно стонали горлицы, желтогрудые иволги выводили печальную песнь, вызванивали варакушки... Птичий хор звенел стройно и слаженно; б) И помогает во всем. С ней матери хорошо; а особенно – бабке, для которой журчливые внучкины речи – лучшая лека; в) Хозяйство не бросишь. Оно у Мишки большое, словно грачиное селенье, гнездо на гнезде: катухи, загоны, сарайчики с хрюканьем, кудахтаньем да мычаньем. А еще – ухороны да погреба, в которых и дна нет. Там солится рыба, которую по весне везут подгулявшие рыбаки. Там хлебные закрома, немереные. Там всякого добра хватает: тюки овечьей шер-*

сти, мешки козьего пуха, птичье перо для мягких подушек и перин. Туда унырнула мебель из колхозного дома животновода, с полевого стана и колхозная столовая вместе с холодильником. “По когтям узнаю льва”. Даже по нескольким небольшим отрывкам можно судить, что есть в этой прозе золотое зерно для серьезного лингвистического исследования. Кстати, в рассказе Б. Екимова “Фетисыч” на малом пространстве диалогов великолепно отражены лексико-синтаксические особенности внутрисемейного общения. Так далекие будто бы темы исследования находят точки своего сопряжения. Разумеется, не мы “заметили” писателя. Б.П. Екимов отмечен премиями журнала “Наш современник” (1976), “Литературной газеты” (1987), им. И.А. Бунина (1994), журнала “Новый мир” (1996), главной премией “Москва – Пенне” (1997), Государственной премией России (1998), премией “Сталинград” (1999) [Чупринин 2003, 34]. Совсем недавно, в октябре 2005 года, писатель повторно удостоен премии им. И.А. Бунина.

В данной публикации мы неоднократно и намеренно подменяли “речь” “языком”. Разницу между этими знаковыми понятиями объяснит любой, сколько-нибудь продвинутый студент особенно перед экзаменом по теории языка. Привычка относиться к детской речи как к речи, к устной разговорной речи как к речи, к внутрисемейной речи тоже только как к речи – не к языку, на наш взгляд, отнимает многое от общенационального языка, перекрывая фиксацию живой педагогики языка неизбывным процессом языкотворчества. На уровне коллективного бессознательно-го строгая дифференциация языка и речи обедняет представление о реальных языковых (именно языковых!) богатствах, что так важно сейчас в непростой для русского языка период.

О белых пятнах писать “опасно”: вдруг где что-то уже появилось? Вот, казалось бы, актуальная тема: гендерная лингвистика. Даже наблюдая за собой, в отношении языковых предпочтений мы отмечаем гендерную синусоиду то удаления от своего пола, то речевого приближения к “естеству”. По свидетельству проф. А.Т. Хроленко, по гендеру в ИНТЕРНЕТЕ уже свыше 400 позиций. О чем ни заяви, тут же обнаруживается первопроходчик, и не один, но заявлять надо. Вот и мы обозначили всего шесть (совсем немного!) векторов возможных исследований, из которых сами занимались вплотную только языком семейных родословных (См.: [Харченко 2003; Харченко 2004а; Харченко 2004б; Харченко 2005в] и др.). К старческой и внутрисемейной речи пытались подступиться. “Животных”, точнее их хозяев, не трогали. Конечно же, мы не могли собирать материал по языку наукоградов, не живя там. И, тем не менее, нам захо-

телось поделиться с читателями своим видением некоторых “белых пятен” лингвистики. Поделиться потому, что, по справедливому наблюдению М.Н. Эпштейна, высказанному еще в 1974 году, в отечественной гуманитарной науке наблюдается дефицит манифестов, программ, проектов [Эпштейн 1988]. Кое-что “мелькает из будущего” на процедурах публичных защит, особенно во время всегда непредсказуемых свободных дискуссий. Полагаем, однако, что возможны и специальные публикации, подготовленные в жанре набросков, чертежей, личных приоритетов, планов и предпочтений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Екимов Б.П.. “Не надо плакать...”. Рассказ // Новый мир, 2004, № 11.

2. Кузнецов М. . Интеллект плюс инновации. И. Харичев. Российская наука: быть или не быть. А. Рац. Мы строим новый наукоград // Знание – сила, 2005. № 6.

3. Павлова А.А.. Концептосфера внутрисемейных родословных. Дисс. ... канд. филол. - наук. 10.02.01 – русский язык. – Белгород, 2004.

4. Рухленко Н.М.. Концепт “семья” в жанре семейных родословных. Дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.01 – русский язык. – Белгород, 2005.

5. Слаповской А. . Первое второе пришествие. Анкета. Я – не я. – М., 1999.

6. Харченко В.К. . Речь старого человека в новеллах М. Коцюбинского // Творча слашчина М.М. Коцюбинського і сучасний літературний процес. – Одесса, 1989. – С. 96-97.

7. Харченко В.К. . Жанр семейных родословных как фактор формирования языковой компетенции // Развитие личности в дошкольном и школьном образовании... Материалы международного научно-практ. конф. Ч. II. – Белгород, 2003.

8. Харченко В.К. . Культуротворческий потенциал семейных родословных // Проблемы русского и общего языкознания. Межвузовск. сб. научн. трудов. Вып. 2. – Елец, 2004а.

9. Харченко В.К. . Язык и сюжет в жанре семейных родословных // Мова і культура. Вып. 7. Философия языка и культуры. Психология языка и культуры. Том I. – Киев, 2004б.

10. Харченко В.К. . Оказиональные минутивы в языковом пространстве семьи // Словообразование как факт. Вып. 3. Механизмы и структуры. Сб. научн. статей. – Орел, 2004-2005а.

11. Харченко В.К. . Внутрисемейное словотворчество // Слово. Словарь. Словесность: экология языка. Материалы Всероссийск. конф. – СПб., 2005б.

12. Харченко В.К. . Прагмалингвистика сюжета в жанре семейных родословных // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника. Материалы междунар. научно-мет. конф. Том II. – Старый Оскол, 2005в.

13. Чупринин С.И. . Русская литература сегодня. Путеводитель. / С.И. Чупринин. – М., 2003.

14. Эпштейн М.Н. . Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. – М., 1988.

АНОТАЦІЯ

У статті окреслено декілька актуальних напрямків лінгвістичного пошуку, які досі не розглядалися спеціалістами. Серед них мовлення людей похилого віку, сімейне мовлення, мова сімейних родовидів, особливості спілкування з домашніми тваринами, мова закритих міст, мова новітньої плеяди російських письменників. Лексичні уподобання, метафорика, особливості використання фразеологізмів та власних назв – це неповний перелік питань, що чекають свого дослідження в цих галузях.

В.И. Теркулов

ПРОСТАЯ АББРЕВИАТУРА КАК ВАРИАНТ СЛОВА

Термин “аббревиация” используется для обозначения двух разновидностей одного процесса с точки зрения того, на базе какой единицы формируется сокращенное наименование. Аббревиатурами называют слова, возникшие в результате сокращения, во-первых, простых или

сложных лексем, например *заведующий* > *зав*, *специалист* > *спец*; *член-корреспондент* > *членкор* и т.п. (простые аббревиатуры), а во-вторых – компонентов словосочетаний при их компрессии в одну лексему, например, *Донецкий национальный университет* > *ДонНУ*, *главный*